

ВРЕМЯ НОВЕЛЛЫ МАТВЕЕВОЙ

Вспоминаю первое впечатление: начало 60-х прошлого века, открываю “Комсомольскую правду”, а в ней разворот стихотворений. Фотография — милая девушка с романтическим именем Новелла. Стихи сказочные. Загораживают, уводят в миры заморские и заоблачные, пестрят именами знаменитыми и заграничными, и в них, по тому времени, чувствуется смелость. Видна рука мастера. Ум недюжинный и яркий, повороты мысли необычные. А когда начинаешь привыкать к авторской манере, на третьем-четвёртом стихотворении, несомненно попав в плен, начинаешь ощущать свою молодость и смелость в полной солидарности с Новеллой Матвеевой. Поэты перезваниваются, делятся впечатлениями: “читал?”, “кто такая?”, “откуда?”, “странные стихи, ничего подобного до сих пор не было”.

Уж точно не было. Скептики или завистники, а это часто тесно связано, цедили тогда, что для настоящей поэзии её стихи слишком умны и литературны, а также в мысли у неё тонет чувство. Один такой скептик позвонил мне, желая получить поддержку, а я ему сказала, что не знаю, кто она, но чувствую сильный дар Божий в гармонии мыслящего чувства и чувствующей мысли. Он не нашёл, что ответить, и положил трубку, я же с радостью читала и перечитывала стихи Новеллы.

Потом услышала, как она поёт их под гитару:

*Эти дома без крыш
Словно куда-то шли...*

Фея Новелла умеет одушевлять неодушевлённые предметы, а точнее, умеет открывать в душном доме приземлённой души форточки в Небо. Вообще песенное творчество Новеллы Матвеевой — замечательная страница в истории авторской песни. Помню её вечера в битком набитых залах, где она с гитарой, проникновенна и необыкновенна. Поклонники и поклонницы бисерируют, не уходят, а она поёт и поёт. Сегодня, говоря об авторской песне 60—70-х годов XX века, воспоминатели задаются вопросом, кто точнее песней выразил себя во времени? Сравнивают между собой Галича, Окуджаву, Высоцкого. И — ни слова о Новелле Матвеевой, а она, слава Богу,

и ныне здравствующая, всегда была ничуть не менее их музыкальна и смела в тематике, плюс абсолютная естественность формы. В ней не было инфернальности Галича, изящной инфантильности Окуджавы и нарочитой страстности Высоцкого. Вся она была тут, с вами, такая, как есть. “Желаю вам другую”, — сказала бы Ахматова, но другой не было и быть не могло.

Однажды я летела из Лондона в одном самолёте с Высоцким и, не будучи его фанаткой, могла разговаривать с ним без придыхания. Мы тогда сошлись во мнении, что в авторской песне самая яркая — Новелла Матвеева.

Вскоре после того, как я впервые прочитала её стихи в “Комсомольской правде”, Лев Адольфович Озеров, поэт и критик, умевший любить и понимать стихи других поэтов, сказал мне, что она двоюродная сестра эмигрантского поэта, может быть лучшего из них, Ивана Елагина, и я начала искать его стихи. Это было трудно, эмигрантов тогда не издавали, но кто ищет, тот найдёт. Впрямь, Елагин поэт Божией Милостью. Видимо, ген поэзии у обоих — явление семейное.

Её стихи, как мне казалось, не пользовались вниманием критики. Новелла не примыкала ни к левому, ни к правому направлению и этим была близка мне, тоже не искавшей самоопределения в литературном котле политизированных страстей, очень в 60-х прошлого века явных.

Помню её в начале 80-х вместе с Иваном Киуру — они казались мне нежной парой — муж и жена, оба поэты.

Стихи Новеллы, по-моему, нельзя анализировать и препарировать, они как цветы, чьи лепестки отдельные, но нераздельны. В связи с ними есть у меня наблюдение: эпические лирики, а я Новеллу определяю именно так, склонны к постоянству в обращении с каким-то одним образом.

У “книжной” Новеллы частенько в стихах пасутся не книжные кони: то увидит она “жеребят тихоструйные чёлки”, то скажет определённо:

Кто не дорожит
Ни ароматом трав, ни топотом копыт,

а то поведёт коня в рефрен стихотворенья:

Кружится половодье, злится, мосты срывает...
Я опущу поводья:
Конь мой дорогу знает.

Да уж, что есть, то есть: конь Новеллы знает путь от Земли к Небу, ибо имя его — Пегас.

Сегодня, как никогда, оставшиеся пока на Земле поэты прошлого века не перекликаются.

Многие перестали писать стихи. Тем радостней было мне узнать, что Новелла Матвеева пишет, что её голос звучит.

И о чём бы ни писала она, как бы ни позиционировала себя в нынешнем, кажется, не нашем уже времени, но если пишется, значит дышится, а значит, и это время — вполне ещё время Новеллы Матвеевой.

Лариса Васильева

НОВЕЛЛА МАТВЕЕВА

ПОД АНДРЕЕВСКИМ ФЛАГОМ

СЛОВО О “ВАРЯГЕ”

*Светлой памяти
капитана Руднева
и его экипажа*

О гордом “Варяге” сегодня, как есть,
Пошли кривотолки...
Не волки ль морские задумали месть?
Нет. Попросту — волки.
Акула — и та не оспорит всего,
Что было на флаге,
А волк (*сухопутный!*) — толкует криво
И — что “не заслуженна слава его” —
Рычит о “Варяге”.
О “несовпадениях” по мелочам —
Я так бы сказала:
Историков Мусора — не было там, —
Еще бы совпало!
“Погибших-то было всего тридцать семь!”
Вам этого... *мало?*
“Погибших-то было всего тридцать семь!”
Понять мы пытались;
К погибшим завидки у вас? Или к тем,
Что живы остались?
Той крови не смыли в дождях проливных
Ни волны, ни швабры...
Однако и те, что остались в живых, —
Равно — были храбры.
Злорадствовать можете вы бесперечь,
Лягать нашу силу,
Но *общей была их готовность*: полечь
В морскую могилу.

Не весь экипаж (под убийственный хряст)
Загинул? Вы правы.
Зато уж кто выжил — завратиться не даст
Врагу нашей славы!
“Кипящая бездна под нами”. Позлись,
Что не под тобою!
Вот так уходили в подводную
слизь.

Так строились к бою.
“В предсмертных мученьях трепещут тела”!
Забавно кому-то?
Но автору песни — ужасна была
Та боль, та минута.
Вы — *кто?* — чтобы смертный высмеивать
хрип?

Вы многое сдали. А больше могли б?
И горестно вам, что “Варяг” не погиб?
Вам это противно?
А нам — убережь его каждый изгиб —
Так ценно! Так дивно!

На! — вычеркни, наш новоявленный враг,
На — вырви из кадра;
Не против лодчонки стоял наш “Варяг”,
А против *ЭСКАДРЫ!*

Весь мир — поражён, потрясён, — замирал
Пред новым, *невиданным* боем;
Британец, германец, японец признал
Наш крейсер героем!
А “русскоязычный” — лишь губы кривит, —
Кристалльную быль — замутить норовит.

...Врагу не сдаётся храбрец-капитан, —
Он *сам* своё судно схоронит.
Мы *сами* “Варяг” потопили. Но там,
Где он никогда не утонет.

Казалось бы: что-либо здесь объяснить
И что-то доказывать людям опять —
Прошли роковые години?
За так — супостату ничто не далось;
С великим кряхтеньем японцу пришлось
Наш крейсер тащить из пучины...

И что ни стряслось бы с “Варягом” потом, —
Он был и остался — “*Варягом*”;
Потомками — чтим. Уважаем — врагом!
И весь — под Андреевским флагом.

Что в книжках от истины? Что — от молвы?
Вы дёрнулись нервно?
Но что на “Варяге”-то были не вы —
То с подлинным верно.

Не вы не сдавались тогда ни на миг
Злодеям поганым;
Не вы провели окровавленный бриг
Меж Вардом и Зурбаганом!
У вас в кабинетах богатых — темно
От баек и мифов...
Вы парни что надо. Но вам не дано
Пройти между рифов.

Не лейте ж галлонами яд и елей
На русские беды;
У нас пораженья — и те веселей,
Чем ваши победы.

Июль 2005.

ЛЕГКОВЕРНЫЕ

Многие благоговейно
Созерцали казнь Хусейна.
“Как же так? — гадали все, —
 Был “чудовищем”, “тираном”,
 А уходит — ветераном
 Мужества — во всей красе!”

Ослеплённые лжецами!
Купленные стервецами!
А подумайте-ка сами
 (Или логика слаба?) —
Кто беде не уступает,
Кто без страха погибает,
ТОТ И ЖИЛ, КАК ПОДОБАЕТ, —
НЕ ПОХОЖИЙ НА РАБА!

2–3 февр. 2007.

ВНУШАЕМЫЕ

Не Бог, не царь, не истукан,
Не с неба метеоры, —
Нет; все приказы простакам
Дают — *гипнотизёры*.
 Друзья! Неужто мы всерьёз
 Проспали то мгновенье,
 Когда и нас
 Чужой гипноз
 Привёл в повиновенье?
Нам приказали никогда,
Нигде не глянуть косо
На тех, кто наши поезда
Привык пускать с откоса.
 Врагов легко распознавать
 (Когда неплохо биты),
 Но приказали нам — *скрывать*,
 Что это — *ваххабиты*.
Войну
 изволила начать
Не здешняя стихия.
Но приказали нам: считать,
Что начала — Россия!
 Пора б кому-то врезать в нос
 За эти разговоры!
 Но мы попали под гипноз
 И — повторяли вздоры...

сент. 2008.